

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

И. Н. Березин — монголист¹.

В середине прошлого века довольно много занимались отношениями монгольского языка к турецкому и вообще к языкам, так называемой, финно-угорской, или, порой туранской группы. Нельзя сказать, чтобы эти занятия достигли чего-либо большого, определенного, создали бы систему, тем не менее кое-что всетаки было сделано и, таким образом, была подготовлена почва для работ над построением сравнительной грамматики алтайских языков, начавшихся уже в двадцатом веке. Если первые монголисты: И. Я. Шмидт, Abel-Rémusat, О. Ковалевский, Д. Банзаров, А. Попов до известной степени интересовались подобными вопросами, то последующие монголисты оставляли в стороне такие исследования и как-то не знали, не замечали работ из этой области. И такое уединенное положение монголистов сейчас же сказалось и на общем состоянии самого монголоведения: действительно, оно во многих отношениях, в зависимости, конечно, и от других причин, в последней четверти прошлого века развивается односторонне и, порой, двигается не вперед, а назад.

В настоящее время, когда монголоведение уже вышло из этого состояния, когда ему удалось установить тесную связь языка монгольского и турецкого, когда оно ищет дальнейших новых путей, теперь с большим интересом должны монголисты остановиться на работах деятелей прошлого века, выяснявших отношения монгольского языка к другим языкам; должен остановить их внимание и Березин.

Специалистам всегда интересно следить за «набегом», который совершает ученый из другой области знания в их область; в таком положении находятся монголисты по отношению к Березину: он, как известно, не был монголоведом. Заинтересовался Березин монгольским языком первоначально не как историк, исследователь завоеваний Чингис-хана и внутрен-

¹ Сообщение, прочитанное в заседании Восточного Отделения 7 мая 1919 г., посвященном памяти И. Н. Березина по случаю столетия со дня его рождения.

него устройства улуса Джучи, но как филолог-лингвист. Вот, что пишет Березин в 1847 г. в «Обзоре трехлетнего путешествия по Востоку»: «Отношения тюркского языка к монгольскому и маньчжурскому, которыми я занят в настоящее время, позволят мне определить точным образом первобытный характер тюркского языка, еще не подвергшийся влиянию Ислама и его идей»¹. Здесь, хотя и очень сжато и кратко, можно видеть определенную программу: изучение турецкого языка в его родной семье, в связи с изучением братских языков, которое должно иметь служебное отношение. Трудно сказать, имел ли Березин более определенные планы работ в этой области: ему не пришлось выполнить и своего первоначального задания, потому что кроме нескольких замечаний о тех, или других формальных окончаниях монгольского языка и об отношениях их к соответствующим турецким формам, мы не находим у него ничего. Работы Березина направились в другую область, он занялся произведением Рашид-ад-Дина и другими сочинениями, относящимися к истории монголов.

И вот в примечаниях к своим переводам частей истории Рашид-ад-Дина, а также к переводу Шейбаниады, в статьях о ярлыках ханских и о нашествиях монголов на Россию Березин останавливается на ряде монгольских слов, монгольских терминов, пытливо ищет им объяснения, рассматривая и разбирая их с разных сторон. Березин является, таким образом, этимологом в области монголоведения и как такового его и должны оценивать монголисты. Разбираемый Березиным монгольский материал довольно велик, различные слова, разных периодов монгольского языка проходят перед читателем и притом в очень различных формах. Оставаясь, повидимому, в стороне от быстро прогрессирующего общего языковедения, или не проникая вполне его взглядами, Березин производит иногда удивительные этимологии, например: боро «серый» он сопоставляет с турецк. бѳри, бѳрѳ «волк», не стесняясь даже тем, что слова эти принадлежат к разным классам, монгольское слово к разряду слов с задними, а турецкое с передними гласными²; теперь же мы хорошо знаем, что монг. боро = турецк. боз, соответствие же монг. р и турецк. з устанавливается рядом примеров.

Но помимо таких необоснованных этимологий у Березина находится достаточное количество монгольских слов, хорошо разъясненных старательным изыскателем. Если теперь и нельзя вполне согласиться с выводами Березина, то во всяком случае невозможно совсем оставлять в стороне работы этого ориенталиста; а между тем, как это ни странно, монголисты,

¹ ЖМНП, 1847, № 7.

² Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXVI.

в большинстве случаев, не пользовались исследованиями Березина, и его труды оставались для них, как бы неизвестными. Этимологи Березина не только не встречают отклика в среде монголистов, критики, или продолжения и углубления его изысканий, но наоборот те или другие монгольские термины, иной раз, попрежнему все еще толкуются так, как будто Березин и не писал ничего сюда относящегося. К сожалению сам Березин дал много поводов для подобного отношения; например, объясняя в «Примечаниях» к своему переводу Рашид-ад-Дина монг. корѣв совершенно правильно, как «запретное, заповедное место», он этимологически связывает его с монг. коурчі, корчі, тогда как слова эти не имеют ничего общего с корѣв; монгольское слово такіј-а (такіј-а) «курица» Березин относит к словам с передними («мягкими») гласными и читает так: «текіј-е»; между тем слово это, также как и соответствующее ему турецкое такаку, принадлежит к заднему ряду, Березина же ввела в заблуждение особенность монгольской орфографии. К этому надо прибавить, что во всех сочинениях Березина монгольские слова представлены чрезвычайно небрежно, и можно сказать, что нет почти ни одного монгольского слова, им приводимого, которое бы давалось в правильной форме; почти всегда при этом транскрипция не соответствует своему оригиналу.

Тем не менее, этимологические работы Березина заслуживают внимания со стороны монголистов: они—этап, исторический этап, пройденный уже одной отраслью знания, на который, во всяком случае, не следует возвращаться, но который всегда следует иметь в виду.

Б. Владимирцов.